

У. ЛИПМАН

ВНЕШНИЙ МИР И ЕГО КАРТИНА В НАШЕМ СОЗНАНИИ

1

В океане лежит остров, на котором в 1914 году жили несколько англичан, французов и немцев. В те времена этот остров не имел кабельной связи с внешним миром. Единственное, что связывало с ним островитян, был британский почтовый пароход, который приходил раз в два месяца. Ожидая его в сентябре, островитяне все еще обсуждали содержание последней дошедшей до них газеты, где сообщалось о предстоящем процессе над госпожой Кайо, обвинявшейся в убийстве Гастона Кальмета. И потому в день прибытия парохода в середине сентября поселенцы, высыпавшие все как один на набережную встречать его, пребывали в необычном возбуждении. Все ждали сообщения капитана о том, какой же приговор вынес суд. Вместо этого они узнали, что уже больше шести недель назад те из них, кто были англичанами, вместе с теми, кто были французами, стали врагами тех, кто были немцами. Все эти шесть странных недель они вели себя как друзья, тогда как на самом деле были уже врагами.

Однако участь этих людей не слишком отличалась от участи большинства населения Европы. Если островитяне находились в заблуждении в течение шести недель, то жители континента — от шести дней до шести часов. Так или иначе, какой-то промежуток времени

Уолтер Липман (Walter Lippmann, 1889-1974) — политический журналист и социолог, автор монографий «A preface to politics» (1913), «Public opinion» (1922), «The phantom public» (1925), «A preface to morals» (1929), «The good society» (1937), «The cold war» (1947), «Essays in the public philosophy» (1955).

Перевод главы из монографии У. Липмана «Общественное мнение» выполнен кандидатом философских наук Т.В. Барчуновой.

Редакция выражает признательность Издательству Фонда «Общественное мнение» за любезное разрешение опубликовать фрагмент готовящегося к печати русского перевода монографии.

езде присутствовал. Именно в этом интервале образ Европы, в соответствии с которым люди вели свои обычные дела, уже не соответствовал той Европе, которая должна была вот-вот превратить их жизнь в хаос. Еще какое-то время каждый человек жил в соответствии с порядком, которого уже не было. Во всем мире вплоть до 25 июля люди производили товары, которые им уже не было суждено вывезти, покупали товары, которые им уже не было суждено ввезти; они думали о карьере и строили планы, надеялись и ждали, веря, что мир был именно таким, каким они себе его представляли. Люди писали книги, рисуя в них этот мир. Они доверяли картине мира, которая была в их сознании. А потом, спустя четыре года, в четверг утром, пришла весть о перемирии, и они с облегчением узнали о том, что мировая бойня окончена. Тем не менее, за пять дней до наступления подлинного перемирия и уже после того, как конец войны был отпразднован, тысячи молодых людей пали на полях сражений.

Оглядываясь назад, можно увидеть, насколько опосредованно наше знание о мире, в котором мы как-то умудряемся жить. Мы видим, что вести о нем приходят то быстро, то нет; но что бы мы ни принимали за подлинную картину этого мира, относимся мы к ней так, как будто она и есть наша реальная жизнь. Учитывать это трудно, когда речь идет о нас самих и о представлениях, опираясь на которые мы сами сейчас действуем. Однако мы льстим себя надеждой, что это очевидно, когда речь идет о других людях, действовавших в другие времена и искренне веривших в свои, с нашей точки зрения, смешные, картины мира. Мы утверждаем, глядя на них со стороны, что мир, который предстал перед ними, был зачастую абсолютно противоположен миру, который они себе представляли. Мы также видим, что, управляя людьми и сражаясь, торгуя и производя реформы в мире своего воображения, они добивались или не добивались своей цели в мире реальном. Они отправились в Индию, а обнаружили Америку. Они считали, что ловили нечистую силу, а вешали старух. Они думали, что могут разбогатеть, все время продавая и никогда не покупая. Калиф, уверенный, что подчиняется воле Аллаха, сжег библиотеку в Александрии.

Писавший около 389 года св. Амвросий уподобляется узнику платоновой пещеры, который решительно не способен повернуть голову. «Изучение природы и положения Земли не помогает нам понять, на что мы надеемся в нашей грядущей жизни. Достаточно знать, что говорится по этому поводу в Писании: “Он... повесил Землю ни на чем” (Иов, 26: 7) . Зачем в таком случае обсуждать, повесил Он ее в воздухе или в воде и затевать спор о том, как тонкий воздух может поддерживать Землю, или почему, если она покоится на водах, Земля не проваливается на дно...? Не потому, что Земля находится в середине, как в точке равновесия, а потому, что великий Бог заставляет ее держаться по закону Своей воли и она держится прочно, несмотря на окружающую ее непрочность и пустоту».

Это не помогает нам понять, на что мы можем надеяться в нашей грядущей жизни. Достаточно знать, что говорится по этому поводу в Писании. Зачем же в таком случае спорить? Но спустя полтора века после того, как св. Амвросий высказал свое мнение, споры возникли опять, на сей раз в связи с проблемой антиподов. Монах по имени Козьма, известный своими научными достижениями, был уполномочен написать христианскую топографию или «Христианское представление (opinion) о мире». Скорее всего, он точно знал, чего от него ожидают, поскольку основывал свои заключения на Священном Писании, как он его понимал. Таким образом, у него получилось, что мир — это плоский параллелограмм, протяженность которого с востока на запад в два раза больше, чем с севера на юг. В центре параллелограмма покоится Земля, окруженная океаном, который, в свою очередь, окружен другой Землей — местом обитания людей до Потопа. Из этой Земли и отправился в свое путешествие Ной. На севере находится высокая конусообразная гора, вокруг которой вращаются Солнце и Луна. Когда Солнце оказывается за горой, то наступает ночь. Небо прикреплено к краям внешней Земли. Оно состоит из четырех стен, смыкающихся над внешней Землей, так что Земля оказывается основанием Вселенной. С внешней стороны небо омывает океан, то есть «воды, которые находятся над небесным сводом». Пространство между небесным океаном и самым конечным сводом Вселенной принадлежит блаженным. Пространство между Землей и небом населено ангелами. Наконец, раз св. Павел сказал, что все люди созданы для того, чтобы жить «по всему лицу земли», то как в таком случае они могут жить на задней стороне, где предположительно живут антиподы? «Поскольку в Писании сказано так, то христианин, говорит нам св. Амвросий, не должен “даже говорить об антиподах”».

Не говоря уже о том, чтобы христианин поехал их навестить; чтобы князь-христианин предоставил ему для этого корабль; чтобы набожный моряк отправился в плавание на этом корабле. Для Козьмы не было ничего абсурдного в его картине мира. Только имея в виду его полную убежденность, что Вселенная была именно такой, мы можем представить, какой страх испытал бы он перед Магелланом, или Пири, или авиатором, рискующим, поднявшись в воздух на высоту семи миль, столкнуться с ангелами и упереться в небесный свод. Мы лучше поймем и жестокости войны, и политические баталии, если будем помнить, что почти любой участник этих сражений абсолютно уверен в истинности своих представлений о противнике, что он принимает как факт не то, что является фактом, а то, что он считает фактом. И что в силу этого, он, подобно Гамлету, пронзит Полония за движущимся занавесом, приняв его за короля, и потом, возможно, подобно Гамлету, произнесет:

«Прощай, вертлявый глупый хлопотун!

Тебя я с высшим спутал, — вот в чем горе».

2

Великие люди даже при жизни обычно известны публике как некие вымышленные личности. Таким образом, есть своя доля правды в старой поговорке, которая гласит, что невозможно выглядеть героем в глазах своего слуги. Однако эта доля очень невелика, так как даже слуга или секретарь обычно тоже склонны к вымыслам. Так, правящие королевские особы являются, конечно, сконструированными личностями. Независимо от того, верят ли они сами в свое публичное амплуа или просто позволяют управляющему инсценировать жизнь двора, существует, по крайней мере, два различных Я: одно — публичное и королевское, другое — приватное и человеческое. Биографии великих людей более или менее легко распадаются на две разных истории этих двух Я. Официальный биограф воспроизводит публичную жизнь, а мемуарист-разоблачитель обращается к другой. Линкольн у Чарнвуда (Charnwood), например, — это парадный портрет, а не изображение реального человека. Это значительная эпическая фигура, действующая в том же слое реальности, что и Эней или св. Георгий. Гамильтон у Оливера — это величественная абстракция, слепок с идеи или, как говорит сам Оливер, «очерк единства Америки». Это официальный памятник федерализму как искусству управления государством, мало похожий на биографию живого человека. Иногда люди сами создают себе фасад, полагая при этом, что открывают на обозрение свои внутренние покои. Дневники Репингтона или Марго Асквит — это разновидность автопортрета, в котором интимные детали служат ключом к тому, как авторам нравится думать о себе.

Но самый интересный способ изображения человека — тот, который стихийно возникает в сознании людей. Например, когда Виктория воцарилась на троне, рассказывает Литтон Стрейчи, «среди обычной публики прокатилась большая волна энтузиазма. В моду входили чувства и романтические переживания. И вид маленькой королевы-девушки, невинной, скромной, с прекрасными волосами и розовыми щечками, проезжающей по столице, наполнял сердца очевидцев этого зрелища восторгом верноподданства. Помимо этого, всех поразил контраст между королевой Викторией и ее дядями. Погрязшие в разврате старики, эгоистичные, тупоумные и комичные, запутавшиеся в делах, обремененные вечными долгами и сплетнями, они исчезли из виду как прошлогодний снег, и перед народом предстала радужная коронованная весна».

Жан де Пьерфе был свидетелем культа героя, когда ему довелось быть офицером в ставке Жоффра в момент величайшей славы этого воина: «В течение двух лет весь мир оказывал почти божественные почести победителю битвы на Марне. Приставленный к нему носильщик буквально сгибался под тяжестью коробок, пакетов и писем, посланных генералу незнакомыми людьми, чтобы таким образом вы-

казать ему свое восхищение. Я думаю, кроме генерала Жоффра, никому из военачальников, не пришлось ощутить настолько, что такое слава. Ему посылали коробки конфет, изготовленные на самых знаменитых кондитерских фабриках мира, ящики шампанского, благороднейшие вина, фрукты, дичь, украшения и домашнюю утварь, одежду, все необходимое для курения, чернильницы, пресс-папье. Жители многочисленных городов и селений дарили ему то, чем славился их край. Художник — написанную им картину, скульптор — статуэтку, старушка — связанные своими руками носки или кашне, пастух, сидя в своей хижине, вырезал для него курительную трубку. Все мировые производители, враждебно настроенные против Германии, отправляли ему свои изделия. Гавана — сигары, Португалия — портвейн. Я знавал одного парикмахера, который не нашел ничего лучше, чем сделать портрет генерала из волос, принадлежавших его близким. Профессиональный писатель, воодушевленный похожей идеей, создал композицию из коротких фраз, составлявших хвалу генералу. Что же касается писем, то Жоффр получал их со всего мира — написанные на всевозможных диалектах, разными шрифтами, нежные и восторженные, исполненные любви и поклонения. Авторы писем называли его Спасителем мира, Отцом отечества, Посланником Бога, Благодетелем человечества и пр. <...> И не только французы, но и американцы, аргентинцы, австралийцы и т. п. и т. п. <...> Тысячи маленьких детей, втайне от родителей, писали ему о своей любви: большинство из них называли его «Отец наш». Эти излияния поклонения и любви стали особенно щемящими, а вздох облегчения — особенно глубоким, когда стало известно о поражении варваров. Всем этим наивным душам Жоффр казался св. Георгием, поражающим змия. В сознании человечества он, разумеется, был воплощением победы добра над злом, света над тьмой.

Чудаки, простаки, люди со странностями и просто сумасшедшие обратили к нему свои замутненные умы как к самому Разуму. Я читал письмо к нему жителя Сиднея, умолявшего спасти его от врагов; другой корреспондент — с Новой Зеландии — просил генерала послать солдат в дом к человеку, который задолжал ему десять фунтов и отказывался отдавать деньги.

Наконец, сотни молодых девушек, преодолевая робость, свойственную своему полу, не ставя в известность свои семьи, выражали желание быть с ним помолвленными. Другие же хотели только служить ему».

Этот идеальный Жоффр складывался из победы, которой он добился, своего войска и штаба, превратностей войны, несчастий и переживаний людей и их надежд на будущую победу. Но, помимо поклонения герою, здесь присутствовал еще и элемент изгнания нечистой силы. Механизм создания нечистой силы тождествен механизму

создания героя. Если все благо исходило от Жоффра, Фоша, Вильсона или Рузвельта, то все зло — от Кайзера Вильгельма, Ленина и Троцкого. Они были столь же всемогущими злодеями, сколь герои были всемогущими благодетелями. Для простодушных и напуганных умов ни одна политическая неудача или недоразумение, ни одна забастовка, ни одна таинственная смерть или неясного происхождения пожар в любой части света не происходили без участия этих воплощенных источников зла.

3

Сосредоточенность всего мира на подобной символической личности — достаточно редкое явление, чтобы можно было говорить о каком-то особом феномене. Однако для любого автора соблазнительно воспользоваться каким-нибудь ярким и убедительным примером. В результате вивисекции войны вскрываются подобные примеры, но они не возникают из «ничего». И в более нормальной жизни общества (*public life*) символические картины в такой же степени управляют поведением людей, но каждый символ несет в себе гораздо меньше смыслов, поскольку он конкурирует со многими другими. Каждый символ не только эмоционально менее нагружен, поскольку представляет в лучшем случае только часть населения, но еще и в рамках этой части индивидуальное различие подавляется гораздо меньше. В периоды умеренного спокойствия символы общественного мнения подлежат проверке, сравнению и обоснованию. Они появляются и исчезают, сливаются друг с другом и забываются, и при этом никогда не служат абсолютным организующим началом эмоционального состояния целой группы. В конечном итоге, остается лишь одна сфера человеческой активности, в рамках которой все население объединяется в *union sacrée*. Это случается в разгар войны, когда в сознании (*spirit*) людей утверждаются и доминируют страх, агрессивность и ненависть, и они либо гасят, либо поглощают любой другой инстинкт, пока не наступит всеобщая усталость.

В любые другие времена и даже в моменты тупиковых ситуаций, возникающих в ходе войны, развивается значительно больший спектр настроений, которые порождают конфликт, сомнения и компромисс. Символизм общественного мнения, как мы увидим ниже (см. Часть 5), обычно несет в себе признаки уравнивания интересов. Предлагаю читателю подумать, например, о судьбе случайного и отнюдь не слишком удачного символа единения союзников (*Allied Unity*), на смену которому вскоре после перемирия пришли символические изображения стран-союзниц: Британия — защитница публичного права; Франция — Страж границ свободы; Америка — Крестonosец. Предлагаю читателю задуматься и о том, как быстро померкли эти образы внутри самих стран, когда партийные и классовые конфликты, а так-

же личные амбиции привели к тому, что вновь выплыли на поверхность временно забытые социальные проблемы. И о том, как исчезали образы лидеров по мере того, как один за другим Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, переставали воплощать человеческую надежду и в глазах лишившегося иллюзий мира превращались просто в посредников и должностных лиц.

Сожалеет ли мы об этом как об одном из неизбежных зол мирной жизни или приветствуем как возвращение к нормальному существованию, очевидно, не играет никакой роли. Наша первая задача, касающаяся фикций и символов, состоит в том, чтобы забыть об их значении для соответствующего социального порядка и размышлять о них просто как о важной части механизма человеческой коммуникации. В настоящее время в любом обществе (если оно не абсолютно замкнуто на своих собственных интересах и настолько мало, что каждый может знать обо всем, что в нем случается) идеи трудны для понимания и относятся к событиям, не доступным прямому наблюдению. Мисс Шервин из маленького городка Гофер-Прери понимает, что где-то во Франции бушует война, и пытается осознать это. Она никогда не была во Франции и, конечно, никогда не сталкивалась с тем, что называется линией фронта. Картинки, на которых изображены французские и немецкие солдаты, она видела, но совершенно не способна представить себе три миллиона мужчин. На самом деле никто не может этого себе представить. Даже профессионалы. Они думают о них, скажем, как о двух сотнях дивизий. Но у мисс Шервин нет доступа к картам сражений, и поэтому, если она думает о войне, то связывает ее с Жоффром и Кайзером, воображая, будто они сошлись в личном поединке. Вероятно, если бы можно было посмотреть, что она видит своим внутренним взором, не исключено, что образ, который возник в ее сознании, похож на гравюру 18 века, изображающую великого воина. Он невозмутим и отважен. Его фигура, выполненная более чем в полный рост, помещена на фоне армии, представленной у него за спиной в виде рядов маленьких аккуратных фигурок. Подобные образы могут гнездиться и в сознании великих людей. Де Пьерфе рассказывает о том, как к Жоффру приходил фотограф. Генерал принимал его в своем «кабинете, обычном для человека среднего класса. В тот момент он сел за пустой письменный стол, чтобы подписать какие-то бумаги. Вдруг кто-то заметил, что на стенах нет карт. А поскольку, согласно распространенному мнению, невозможно представить себе генерала без карт, то на стены повесили несколько карт, но вскоре после того как генерала сфотографировали, их убрали».

Единственным чувством (*feeling*) по поводу события, в котором человек сам не участвует, может быть чувство, вызванное в нем мысленным (*mental*) образом этого события. Именно поэтому до тех пор,

пока нам не известно, что думают другие, что они знают, мы не можем правильно понять их поступки. Однажды мне пришлось наблюдать, как девушка, выросшая в шахтерском городке в Пенсильвании, из предельно радостного состояния внезапно впала в отчаяние, когда порывом ветра разбило оконное стекло. В течение нескольких часов она оставалась безутешной, что было мне совершенно непонятно. Но, когда она, наконец, смогла говорить, выяснилось, что она верила в примету — разбитое оконное стекло означает смерть близкого родственника. Девушка оплакивала своего отца, который напугал ее своим внезапным отъездом из дома. Отец, конечно, оказался жив, что вскоре и подтвердилось по телеграфу. Но, пока это подтверждение не пришло, для девушки разбитое стекло оставалось действительным сообщением. Почему она считала его подлинным, могло показать только глубокое психиатрическое обследование. Однако даже совершенно случайному наблюдателю было ясно, что девушка, чрезвычайно расстроенная семейными неурядицами, в своих галлюцинациях увидела полную фикцию, спровоцированную внешним фактом, пришедшей ей в голову приметой, приступом жалости, а также страхом за своего отца и любовью к нему.

В подобных примерах вопросом является только степень отклонения от нормы. Когда генеральный прокурор, которого испугала взорвавшаяся на пороге его дома бомба, убеждает себя, читая революционную литературу, что революция должна свершиться 1 мая 1920 года, ясно, что здесь срабатывает тот же самый механизм. Военное время, разумеется, поставяет массу подобных примеров случайный факт, творческое воображение, желание верить — и из этих трех элементов складывается суррогатная (counterfeit) реальность, которая вызывает сильнейшую инстинктивную реакцию. Достаточно очевидно, что при некоторых условиях люди реагируют на фикции столь же сильно, сколь на действительные события, а во многих случаях и помогают создавать те самые фикции, на которые сами же и реагируют. Пусть первым бросит камень тот, кто не поверил, что русская армия прошла через Англию в августе 1914 года, кто не поверил рассказу о злодеяниях без прямых доказательств, кто никогда не подозревал заговора, предателя или шпиона там, где их не было и в помине. Пусть первым бросит камень тот, кто никогда не поверил как в истинную правду в свои собственные подозрения, которые были высказаны вслух другим человеком, но не более сведущим, чем он сам. Во всех этих примерах мы должны особенно обратить внимание на один общий фактор — между человеком и его средой располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду. Но поскольку эта реакция есть поведение, то его следствия, если они представляют собой действия, имеют место не в псевдосреде, спровоцировавшей это поведение, а в реальной среде, в которой действие и происходит. Если поведение является не практическим дейст-

вием, а тем, что можно примерно обозначить как мысль или эмоцию, потребуется много времени, чтобы в структуре фиктивного мира образовалась серьезная брешь. Но если стимул, исходящий из псевдофактов, выливается в действие, влияющее на предметы или других людей, то вскоре развивается противоречие. Тогда складывается впечатление, что действующий человек бьется головой о стенку, что знания усваиваются благодаря опыту и что происходит трагедия в духе Герберта Спенсера, когда Прекрасную Теорию убивает Шайка Грубых Фактов. То есть складывается впечатление о неудобстве, возникающем от неумения приспособливаться. Понятно, что в социальной жизни то, что называется приспособлением человека к окружающей среде, происходит в среде фикций.

Под фикциями я не имею в виду ложь. Я имею в виду представление о среде, которое в большей или меньшей мере создано самим человеком. Область фикций простирается от полной галлюцинации до вполне осознанного использования ученым схематических моделей. Она относится также к той ситуации, когда ученый решает, что для данной задачи точность до десятых не важна. Фикция может действовать с большой долей достоверности, и пока степень достоверности может осознаваться, фикция не вводит в заблуждение. В действительности человеческая культура — это, главным образом, отбор, новая организация (rearrangement), отслеживание моделей (patterns) и стилизация того, что Уильям Джеймс называл «случайными отзвуками и новыми сочетаниями наших идей». Альтернативой фикциям служит прямое воздействие приливов и отливов ощущений. На самом же деле, это не реальная альтернатива, поскольку, как бы ни обновлялось сознание человека путем созерцания мира совершенно невинными глазами, невинность сама по себе не является мудростью, хотя и служит источником и способом оттачивания мудрости. Реальная среда, взятая в целом, — слишком сложное и плавающее образование, чтобы можно было познавать ее напрямую. Мы не настолько вооружены, чтобы иметь дело с такими тонкими различиями, разнообразием, перестановками и комбинациями. И хотя мы должны действовать в этой среде, но, прежде чем начать с ней оперировать, необходимо реконструировать ее на более простой модели. Чтобы путешествовать по миру, человек должен иметь карту этого мира. Неустраняемая сложность здесь заключается в том, чтобы запастись картами, на которых нужды составителя карты или другого путешественника не были бы отражены в контурах данной местности.

4

Итак, аналитик общественного мнения должен начать с того, чтобы признать существование треугольника отношений между сценой действия, картиной этой сцены в сознании людей и реакцией людей на эту картину, развивающуюся на сцене действия. Это подобно

пьесе, подсказанной актерам их собственным жизненным опытом, в которой сюжет разыгрывается в реальной жизни актеров, а не просто как их сценические роли. Эта двойная драма внутреннего мотива и внешнего поведения обычно хорошо изображается в кино. Предположим, мы смотрим в кино такую сцену: двое мужчин ссорятся из-за денег. Сначала движущие ими страсти нам непонятны. Затем ссорящиеся уходят на задний план и разыгрывается то, что видит один из этих мужчин своим внутренним взором. В первой сцене мужчины, сидя друг против друга за столом, ссорятся из-за денег. Но в своих воспоминаниях они обращаются к временам своей юности, когда девушка бросила одного из них ради другого. Тем самым объясняется внутренняя драма: наш герой не жаден — он влюблен.

Сцену, не многим отличающуюся от только что описанной, можно было наблюдать в Сенате Соединенных Штатов. Утром 29 сентября 1919 года, за завтраком, один из сенаторов прочитал официальное сообщение в газете «Вашингтон Пост» о том, что к побережью Далмации причалили американские корабли. Вот что говорилось в газете:

Теперь факты установлены

Следующие важные факты, по-видимому, теперь уже являются установленными. Приказы контр-адмирала Эндрюса, командующего военно-морскими силами в Адриатике, поступили из Британского Адмиралтейства через Военный Совет и контр-адмирала Кнаппса в Лондоне. Согласия или несогласия Американского Военно-Морского Департамента никто не спрашивал...

Без ведома Дениельса

Г-н Дениельс, по-видимому, оказался в странной ситуации. До нас дошли телеграммы о том, что силы, которые он должен был полностью контролировать, на самом деле без его ведома производили то, что можно назвать военными действиями. Стало очевидно, что Британское Адмиралтейство, по всей видимости, захочет отдавать приказы контр-адмиралу Эндрюсу от имени Великобритании и ее союзников, поскольку ситуация требовала жертв со стороны какого-нибудь государства, если ставилась задача держать под контролем последователей д'Аннунци.

Как стало ясно позднее, согласно новому плану Лиги наций в экстраординарных ситуациях управлять Американскими военно-морскими силами смогут иностранцы (foreigners) — с согласия или без оного со стороны американского Департамента военно-морских сил... и т. д.

На заседании Сената первым комментирует сообщение г-н Нокс из Пенсильвании. Он негодует и требует расследования. В следующем выступлении — г-на Брандеджи из Коннектикута — уже чувствуется,

что возмущенный тон первого выступающего порождает доверие к сообщению. Если г-н Нокс возмущается и хочет узнать, правдиво ли оно, то г-н Брандеджи через полминуты хочет узнать, что бы произошло, если бы корабли были уничтожены. Г-н Нокс, заинтересовавшись вопросом, забывает, что он требовал расследования, и отвечает на вопрос. Если бы американские корабли были уничтожены, началась бы война. До сих пор дискуссия развивалась в условном наклонении. Далее следует ее продолжение. Г-н МакКормик из Иллинойса напоминает Сенату, что администрация Вильсона склонна к ведению небольших несанкционированных войн. Он повторяет остроумное замечание Теодора Рузвельта о «ведении мира» (*waging peace*). Новый обмен репликами. Г-н Брандеджи замечает, что корабли действовали «согласно приказам Верховного Совета (*Supreme Council*), который сидит где-то там», но он не помнит, кто представляет Соединенные Штаты в этом органе. Верховный Совет не упоминается в конституции Соединенных Штатов. Поэтому г-н Нью предлагает резолюцию, согласно которой требуется представить соответствующие факты.

До этого момента сенаторы все еще смутно осознают, что они обсуждают слух. Будучи юристами, они все еще помнят о некоторых формах доказательств и о свидетельских показаниях. Но как люди из плоти и крови они уже испытывают страшное негодование из-за того, что американские корабли получили приказ участвовать в военных действиях от иностранного руководства и без согласия Конгресса. Психологически они готовы верить этому, поскольку они республиканцы, выступающие за Лигу наций. Это подстегивает к выступлению лидера демократов г-на Хичкока из Небраски. Он становится на защиту Верховного Совета: тот действовал в условиях войны. Мир еще не был заключен, потому что республиканцы откладывают его заключение. Следовательно, это действие было необходимым и законным. Обе стороны теперь допускают, что сообщение было правдивым, а выводы, которые они делают, — это выводы, продиктованные приверженностью узкому сообществу. Тем не менее, основу дискуссии составляет это удивительное допущение, и оно пересиливает принятую ранее резолюцию проверить его истинность. Данная ситуация показывает, насколько трудно даже профессиональным юристам не реагировать на ситуацию до тех пор, пока не выяснится, что же на самом деле произошло. Реакция была мгновенной. Фикция принимается за правду потому, что фикция очень нужна.

Несколькими днями позже появилось официальное сообщение, что корабли не приставали к берегу по приказу Британского правительства или Верховного Совета. Они не сражались с итальянцами. Они причалили к берегу по просьбе итальянского правительства для

защиты итальянцев, и американский командующий получил официальную благодарность от итальянских властей. Корабли не находились в состоянии войны с Италией. Они действовали согласно практике, принятой в международном сообществе, не имевшей никакого отношения к Лиге наций.

Сценой, где происходили действия, была Адриатика. В данном случае картина этой сцены в головах вашингтонских сенаторов создавалась, вероятно, с целью обмана. Ее создал человек, которого волновала отнюдь не Адриатика, а поражение Лиги. На эту картину Сенат отреагировал так, что приверженность узким интересам переселила Лигу.

5

Действовал ли Сенат в данном конкретном случае на уровне своих стандартов или ниже оных, обсуждать нет смысла. Как, впрочем, и то, лучше ли он выглядел, чем Палата представителей или любые другие парламенты. В данный момент я хочу сосредоточиться только на разыгрываемом во всем мире спектакле: люди влияют на свою среду под действием стимулов, исходящих из псевдосреды. Ведь даже тогда, когда принимается во внимание целенаправленный обман, политической науке еще предстоит объяснить, как два государства, атакующие друг друга, могут быть уверены, что они действуют в целях самообороны, или как два класса, находящиеся в состоянии войны, могут быть уверены, что выступают во имя общих интересов. Кто-то, вероятно, скажет, что они живут в разных мирах. Но вернее будет сказать, что они живут в одном и том же мире, при этом ощущая и полагая, что живут в разных.

Политическая адаптация (adjustment) человечества в Большом Обществе происходит именно при столкновении с этими особыми мирами с этими частными или групповыми, или классовыми, или территориальными (provincial), или профессиональными, или государственными, или сектантскими артефактами. Но именно эти фикции и определяют значительную часть политического поведения человека. Пятьдесят полновластных парламентов, которые, вероятно, следует принимать во внимание, состоят, каждый, по крайней мере, из сотни законодательных органов. Те, в свою очередь, — по крайней мере, из пятидесяти иерархий местных и городских законодательных собраний, которые вместе со своими исполнительными, управленческими и законодательными органами образуют формальную власть на земле. Но и это не приоткрывает нам картину сложности политической жизни. В каждом из этих бесчисленных центров власти существуют партии, а эти партии тоже образуют иерархии, уходящие своими корнями в классы, подгруппы (sections), клики и кланы, а в рамках этих последних есть еще отдельные политики, каждый из которых образует свой собственный центр паутины связей, памяти, страха и надежды.

Так или иначе, по причинам обычно вынужденно замутненным, в результате доминирования, компромисса или взаимных услуг от этих политических органов исходят приказы о движении армий или заключении мирных соглашений; предписывающие сохранить жизнь, отправить в изгнание, заключить в тюрьму, сохранить собственность или конфисковать ее; приказы, определяющие размер налога, поощряющие одно предприятие и осуждающие другое, способствующие иммиграции или препятствующие ей, улучшающие коммуникацию или вводящие жесткую цензуру. Согласно этим приказам строятся школы и военные корабли, провозглашаются «политические программы» и «судьбы», возводятся экономические барьеры, учреждается или отчуждается собственность, один народ подчиняют другому, отдается предпочтение одному классу перед другим. Каждое решение строится на строго определенном видении фактов, определенное видение обстоятельств принимается в качестве основания для выводов и стимула впечатлений и ощущений.

И даже все названное выше не приоткрывает завесу над действительной сложностью картины. Формальная политическая структура существует в социальной среде, где имеются бесчисленные большие и малые корпорации и институты, добровольные и полудобровольные ассоциации, государственные, территориальные (provincial), городские и районные объединения, которые достаточно часто принимают решения, учитываемые политическими органами. На чем основываются эти решения?

«Современное общество, — говорит Честертон, — является по своей природе небезопасным, поскольку оно основывается на представлении о том, что все люди будут делать одно и то же, руководствуясь разными причинами... И точно так же, как в голове каторжника может зреть злостное преступление, которое он намеревается совершить в одиночку, под шляпой провинциального чиновника может гнездиться особая философская система. Один человек может быть абсолютным материалистом и считать, что его собственное тело — страшная машина, порождающая его сознание. Он будет прислушиваться к своим мыслям как к монотонному тиканию часов. Другой человек, его сосед, может быть сторонником движения «Христианская наука» (Christian Science) и каким-то образом представлять свое тело менее материальным, чем тень от него. Он может даже почти увериться в том, что движения его собственных рук и ног подобны движениям змей в галлюцинациях человека в состоянии белой горячки. А третий может быть христианином. Он, как говорят его соседи, живет в мире волшебных сказок, в мире неземных образов, скрытых для всех, но явных для него самого. Четвертый может быть теософом и, вероятно, — вегетарианцем, и я не вижу оснований, почему я не могу доставить себе удовольствие, вообразив, что пятый поклоняется

дьяволу... Независимо от того, есть ли какой-то толк от такого разнообразия, можно сказать, что единство этого сообщества ненадежно. Предположение, что все люди всех времен и народов, думающие по-разному, будут, тем не менее, действовать одинаково, очень сомнительно. Оно означает, что вы строите общество не на общности людей и даже не на соглашении между ними (convention), а скорее — на случайном стечении обстоятельств. Четверо людей могут встретиться под одним уличным фонарем; один из них подошел к нему, чтобы, выполняя программу реформы городского хозяйства, покрасить его в густо зеленый цвет; другой — чтобы заглянуть в свой требник; третий — чтобы обхватить его в восторженном порыве, вызванном винными парами; а последний — чтобы встретиться со своей дамой сердца. Но ожидать встречи тех же самых людей в этом месте на следующей вечер неразумно...».

Вместо четырех прохожих возле уличного столба представьте правительства, партии, корпорации, общества, социальные сети, группы, объединенные по профессиям и роду занятий, университеты, секты, национальные группы. Подумайте о законодателе, который голосует за правовой акт, касающийся народов, живущих на огромном расстоянии от него; о государственном муже, принимающем важное решение. Подумайте о мирной конференции, перекраивающей границы Европы; о дипломате, который находится за рубежом и пытается разгадать намерения как своего правительства, так и правительства иностранного государства; о бизнесмене, который устанавливает контакты, чтобы начать свое дело в экономически отсталой стране; об авторе передовиц, призывающем к войне; о священнике, призывающем полицию к контролю за увеселениями. Подумайте о посетителях клуба, замысливающих забастовку; о членах кружка кройки и шитья, намеревающихся упорядочивать работу школ; о девяти судьях, размышляющих, может ли законодательное собрание Орегона установить продолжительность рабочего дня для женщин. Подумайте о кабинете министров, который собрался, чтобы решить вопрос о признании правительства; о партийной конференции, составляющей платформу действий и выбирающей своего кандидата для участия в каком-то мероприятии; о двадцати семи миллионах избирателей, что бросают свои бюллетени в урны для голосования; об ирландце из Корка, думающем об ирландце из Белфаста; о Третьем Интернационале, планирующем перестроить все человеческое общество; о совете директоров, рассматривающем требования работников своих предприятий; о юноше, выбирающем карьеру; о торговце, оценивающем спрос и предложение на предстоящий сезон; о наблюдателе, предсказывающем ход развития событий на рынке; о банкире, раздумывающем, вкладывать или не вкладывать капитал в новое предприятие; о

рекламодателе; о потребителе рекламы... Подумайте о разных категориях американцев, размышляющих о своих представлениях: что такое «Британская империя», «Франция», «Россия» или «Мексика». — Они не слишком отличаются от четырех прохожих, встретившихся у зеленого фонарного столба, описанного Честертоном.

6

Итак, прежде чем углубиться в джунгли неясностей, касающихся врожденных различий между людьми, имеет смысл сосредоточиться на удивительных различиях в представлениях людей о мире. Я не сомневаюсь, что существуют важные биологические различия между людьми. Поскольку человек — это животное, было бы странно, если бы их не было. Но когда речь идет о людях как о рациональных существах, мы — обобщая сравнительные данные о поведении прежде, чем введен способ измерения сходства между средами (environments), стимулирующими поведения как реакции на эти среды, — впадаем в порок гораздо худший, чем поверхностность.

Прагматическая ценность этой идеи состоит в том, что через нее вводится чрезвычайно важное уточнение восходящей к античности (ancient) контroversы между природой и воспитанием; врожденными качествами и окружением. Ведь псевдосреда — это гибрид, образованный путем сочетания «человеческой природы» и «условий». С моей точки зрения, этот гибрид хорошо показывает бессмысленность абсолютных заключений о том, что представляет собой человек и каким он будет, на основании наблюдений его деятельности, или заключений о необходимых условиях общества. Ведь мы не знаем, как люди будут действовать в ответ на события в Большом Обществе. Нам наверняка известно только их поведение в ответ на то, что спокойно можно назвать самой неадекватной картиной Большого Общества. Основываясь на подобных данных, никаких достоверных выводов относительно человека или Большого Общества сделать нельзя.

Итак, вот ключ к нашему исследованию. Мы допускаем — то, что делает любой человек, основано не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые он сам рисует или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, он не станет близко подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться. Если на его карте изображен фонтан вечной молодости, то какой-нибудь Понсе де Леон отправится на его поиски. Если некто откопает кусок породы желтого цвета, похожей на золото, он в течение какого-то времени будет действовать так, как будто действительно нашел золото. То, как люди представляют себе мир, определяет в данный конкретный момент, что они будут делать. Хотя вместе с тем это не определяет, чего они достигнут. Это определяет их усилия, их ощущения, надежды, но не достижения и результаты. На что расчи-

тывают те, кто громче всех заявляет о своем «материализме» и презрении к «идеологам», — коммунисты марксистского направления? На то, что посредством пропаганды можно сформировать группу, которая осознаёт свои классовые интересы. Но что такое пропаганда, если не стремление изменить картину, на которую реагируют люди, подставить одну социальную модель (pattern) вместо другой? Что такое классовое сознание, если не способ осознания мира? Не национальное самосознание, но иначе направленное? Не «родовое сознание рода» профессора Гиддингса, но существующее как процесс, в ходе которого мы полагаем (a process of believing), что распознаем среди множества людей тех, кто маркирован как существо нашего рода?

Попробуйте объяснить социальную жизнь как стремление к тому, чтобы получить удовольствие и избежать боли. Очень скоро вы скажете, что и гедонизм — тоже не объяснение, поскольку даже если предположить, что человек действительно преследует эти цели, нет ответа на вопрос, почему он думает, что именно таким образом можно достичь удовольствия. Можно ли считать, что человек руководствуется своим сознанием (conscience)? Тогда как в таком случае объяснить конкретный тип его сознания? Теорией экономического эгоизма? Но как люди приходят к пониманию, что составляет их эгоистичные интересы? Что это: желание безопасности, престижа, доминирования или то, что весьма неопределенно называется самореализацией? Каким образом люди понимают свою безопасность? В чем они видят престиж? Как они представляют себе средства доминирования? Или: каково их понятие самости, которое они хотят реализовать? Переживание удовольствия, боли, мук совести, защита кого-то, овладение чем-то, увеличение чего-то, усовершенствование своих навыков в определенной области — вот названия некоторых способов деятельности людей. Наверное, существуют какие-то неосознанные (instinctive dispositions) предрасположенности, которые влекут человека к достижению подобных целей. Но ни формулировка цели, ни описание, каким образом достичь ее, не могут объяснить, как, в конце концов, поведет себя данный человек. Сам по себе факт, что люди занимаются теоретизированием, доказывает, что их псевдосреды, их внутренние образы мира являются детерминантами их мышления, настроения и деятельности. Потому что, если бы связь между действительностью и реакцией на нее людей была прямой и непосредственной, а не косвенной и основанной на определенных выводах, нерешительность в действиях и плохие их результаты никогда не имели бы места. Если бы каждый из нас чувствовал себя столь же уютно в этом мире, сколь удобно чувствует себя человеческий зародыш во чреве матери, у Бернарда Шоу не было бы оснований изречь, что ни одному человеческому существу, за исключением пер-

вых девяти месяцев его существования, не удастся так же удачно решать свои проблемы, как это делает растение.

Основная проблема применения психоаналитической схемы к политическому мышлению возникает именно в связи с этим. Фрейдисты озабочены тем, что отдельные индивиды не умеют приспосабливаться к другим индивидам и к конкретным обстоятельствам. Они предположили, что если бы можно было скорректировать внутренние психические расстройства, у нас не возникло бы никакой путаницы относительно того, что является нормой в человеческих отношениях. Но общественное мнение имеет дело с косвенными, невидимыми и загадочными событиями, где ничто не является очевидным. Ситуации, по поводу которых в обществе существуют мнения, известны только как мнения. Психоаналитик же почти всегда допускает, что окружающая среда познаваема, а если не познаваема, то, по крайней мере, терпима для любого незамутненного рассудка. Такое допущение является проблемой для общественного мнения. В отличие от психоаналитика, принимающего как данность легко познаваемую среду, социальный аналитик стремится выяснить, как может быть понято более широкое политическое окружение и как оно может быть лучше понято. Первый исследует приспособление к X, называемому им средой, второй исследует X, называемое им псевдосредой.

Конечно, социальный аналитик находится в вечном долгу перед новой психологией, и не только потому, что при правильном применении она помогает встать людям на ноги, приблизить желаемое, но и потому, что исследование снов, фантазий и рационализации проливает свет на то, как складывается псевдосреда. Но он не может принять в качестве критерия то, что называется «нормальной биологической карьерой» в рамках существующего социального порядка, или карьерой, «свободной от религиозных ограничений и догматических условностей» за пределами социального порядка. Что является для социолога нормальной общественной карьерой? Или карьерой, свободной от запретов и условностей? Консервативные критики, разумеется, имеют в виду первую, а романтические — вторую. Но подобные позиции критиков означают, что они принимают весь окружающий мир как само собой разумеющийся. Тем самым они в действительности говорят, что общество — это нечто, соответствующее их представлению о норме, или нечто, соответствующее их представлению о том, что такое быть свободным. Оба представления являются, по сути, общественными мнениями, и если психоаналитик как врач может просто принять их, то социолог не может воспользоваться продуктами существующего общественного мнения как критериями при изучении общественного мнения.

Мир, с которым мы вынуждены иметь дело как политические субъекты, находится за пределами досягаемости, за пределами види-

мости и за пределами сознания. Его нужно исследовать, описывать, воображать. Человек — не аристотелевский бог, озирающий все сущее единым взглядом, а продукт эволюции, который может выхватить фрагмент реальности, достаточный чтобы выжить, и в потоке времени поймать несколько моментов озарения и счастья. Тем не менее, этот «продукт эволюции» изобрел способы видеть то, что невозможно увидеть невооруженным глазом, а «невооруженным ухом» невозможно услышать. Он придумал, как взвешивать огромные и мельчайшие массы; как считать и разделять бесчисленные множества предметов, которые ему не под силу удержать в памяти. Он научился с помощью своего разума видеть те части мира, которые никогда не мог бы непосредственно видеть, осязать, обонять, слышать и помнить. Постепенно он создает для себя и в своей голове заслуживающую доверия картину мира, находящегося за пределами его досягаемости.

Характеристики внешнего мира, которые вытекают из поведения других человеческих существ постольку, поскольку это поведение касается нас самих, зависит от нас или интересно нам, мы можем в первом приближении назвать общественными делами (*public affairs*). Картины в головах этих человеческих существ, картины их самих, картины других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений — это общественные мнения. Картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп, — это Общественное Мнение, с большой буквы. Таким образом, в последующих главах мы будем анализировать причины, по которым внутренняя картина так часто вводит в заблуждение людей, когда они имеют дело с внешним миром. Сначала мы рассмотрим основные причины, ограничивающие доступ людей к фактам. Это разные виды искусственной цензуры (*artificial censorship*); способы ограничения социальных контактов; сравнительно малое время, затрачиваемое ежедневно на ознакомление с общественными делами; искажения представлений, возникающие, когда изложения событий должны быть сжаты в очень короткие сообщения; трудности, связанные с тем, что сложный мир должен быть отражен в ограниченном лексиконе; и, наконец, страх столкнуться с фактами, которые могут показаться угрозой сложившемуся жизненному укладу.

Затем в нашем анализе мы перейдем от более или менее внешних ограничений к вопросу о том, как на поток поступающих извне сообщений влияют уже закрепившиеся образы, предрассудки и предубеждения, которые служат орудием интерпретации и расширения этих сообщений, и, в свою очередь, энергично направляют игру воображения и само видение событий. Далее, мы перейдем к анализу того, как сообщения, ограниченные извне и сложившиеся в модели (*patterns*) стереотипов, идентифицируются у отдельного человека (по мере того

как он их переживает и понимает), с его собственными интересами. Затем мы рассмотрим, как из отдельных мнений кристаллизуется то, что называется Общественным мнением, как формируется то, что можно назвать Государственной волей, Групповым сознанием, Общественной целью или как-то еще.

Первые пять частей настоящей книги носят описательный характер. Затем будет предложен анализ традиционной демократической теории общественного мнения. Суть аргументации здесь следующая: демократическая теория в своей исходной форме никогда всерьез не рассматривала проблему, возникающую в связи с тем, что картины в головах людей не являются механическим отображением окружающего их мира. Далее, поскольку демократическую теорию критикуют мыслители социалистического направления, мы рассмотрим наиболее развитую и последовательную критику ее со стороны английских гильдейских социалистов. Моя цель в данном случае — выяснить, могут ли эти реформаторы принять во внимание основные сложности общественного мнения. Мой вывод состоит в том, что они игнорируют эти сложности столь же абсолютно, сколь и сторонники демократической теории, потому что, живя уже в гораздо более сложной цивилизации, они предполагают, что в сердцах людей каким-то таинственным образом существует знание о мире, лежащем за пределами их досягаемости.

Я утверждаю, что любое представительное правительство, будь то в сфере, традиционно называемой политикой, или в сфере промышленности, не может работать успешно (независимо от характера выборов), если лица, ответственные за принятие решений, не опираются на независимую экспертную организацию, специализирующуюся на экспликации невидимых фактов. Следовательно, я стремлюсь доказать, что необходимо соблюдать не только принцип представительности людей, но и принцип представительности невидимых фактов. И только соблюдение последнего позволит достичь удовлетворительной децентрализации и избежать недопустимой и нефункциональной фикции. Каждый из нас должен прийти к компетентному мнению обо всех общественных делах. Я также утверждаю, что существует путаница в вопросе о прессе. И ее критики, и ее апологеты ожидают, что пресса должна осознавать эту фикцию и эксплицировать все то, что было невидимым в теории демократии. Читатели ожидают, что это чудо должно произойти вне их собственного участия и вмешательства. Демократы рассматривают газеты как панацею от дефектов их собственной деятельности, тогда как анализ природы новостей и экономических оснований журналистской деятельности показывает, что газеты неизбежно отражают и, следовательно, в большей или меньшей степени усиливают дефектность организации

общественного мнения. Я считаю, что общественные мнения, для того чтобы быть надежными, должны быть организованы для прессы, а не самой прессой, как это происходит сегодня. В этом я вижу перво-степенную задачу политической науки, которая снискала себе репутацию тем, что формулировала реальные решения, а не выполняла апологетическую, критическую или информационную функцию уже после их принятия. Я стремлюсь показать, что проблемы, возникающие в управлении и в промышленности, создают предпосылки того, чтобы политическая наука могла развиваться и служить обществу. И, разумеется, я надеюсь, что мой труд поможет кому-то реализовать эту возможность более осознанно, а потому и более глубоко, чем это сделал я.